

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Багдановіч І. Э. Паэтычны катэхзіс Яна Чачота // Залатая Горка : вершы, пераклады, артыкулы. Мінск : Кнігазбор, 2016. С. 118–124.
2. Czeczot J. Pieśni ziemianina, przez tłumacza piosnek wieśniaczych z nad Niemna i Dźwiny. Wilno : Drukiem Jozefa Zawadskiego, 1840. 60 s.

Кохнович Н. А. (Минск)

Развитие лексико-семантического поля чести в трех редакциях Статута Великого княжества Литовского

Статуты Великого княжества Литовского – важнейшие памятники не только белорусской, но и мировой культуры XVI века. В них нашли отражение многие передовые взгляды эпохи, при этом изучение данных языка текстов позволяет увидеть также и то, что на момент создания Статутов входило в область повседневных, обыденных представлений. В частности мы находим здесь большое количество материала для изучения лексико-семантического поля чести и представлений, стоящих за единицами этого поля; при этом необходимо отметить, что данные тексты отражают именно шляхетскую картину мира и систему ценностей; честь – это нечто, чем могли обладать представители исключительно высшего сословия. Проследив историю правок в редакциях 1529, 1566 и 1588 гг., мы можем больше понять о том, как развивался данный культурный сценарий и какими языковыми средствами в плане выражения он обслуживался. Таким образом, цель статьи – показать качественные и количественные изменения в составе лексико-семантического поля «честь» в трех редакциях Статутов ВКЛ в связи с культурными особенностями эпохи.

В первой редакции Статута употребляется прежде всего лексема *честь* (около 10 раз, в том числе единожды – в форме множественного числа: *Держаней и честей чужоземцом не мають даваны быти* (1529, 3.3.)), лишь в одном случае – *почтивость* (1529, 3.10), при этом дважды встречаем сочетание *честь и добрая слава*. В качестве антонимов для названных существительных выступают *соромота*, *наганенье*, *нагабанье*, *пренагабанье*, встречаются также лексемы *безчестье* (*платити*) и *безэцник*, выражение *неучтивыми словы соромотити*. Соответственно используются глаголы *вчтить*, *учстить*; в антонимичном значении используются *ганити*, *приганити*, *наганити*, *зганити*, *зсоромотити*. По отношению к особенному положению князя используется выражение *маестат наш господарский образил*, в котором обращает на себя внимание глагол *образити*, не употребляемый в иных контекстах (эта особенность сохраняется и в более поздних редакциях). Наиболее важными преступлениями, влекущими за собой *отсуженье*

чести, являются бегство из государства (1529, 1.2), бегство с поля боя или роспуск до окончания войны *слуг и статку своего* (1529, 2.3); в единственном случае вместе с лишением чести выступает смертная казнь: *коли бы хто отца своего рожного або матку забил, тот горло и честь свою тратить* (1529, 7.14). Что касается семантики ядерной лексемы поля, то *честь* чаще всего понимается здесь как высокое звание, статус, который подвержен деструктивному воздействию (*шкодити чести, приганити на честь*) и нуждается в защите. Один раз встречается устойчивое выражение *под честью и под верою (поведить)*, калька с латинского *sub fide et honore*, также отсылающего к указанному значению. То же можно сказать о выражении (*всю шляхту*) *заховати в их почитивости*, ср. лат. *honorem conservare*.

Общий объем Статутов в ходе правок и дополнений возростал, вместе с ним возростало и количество контекстов употребления лексем интересующего нас поля. Если в тексте 1529 г. встречаем немногим более 20 словоупотреблений лексем из интересующего нас ЛСП, в редакции 1566 г. – около 50, то в версии 1588 г. речь идет примерно о сотне словоупотреблений, при этом набор лексических единиц постоянно расширяется.

В редакции Статута 1566 г. появляются новые артикулы, охватывающие рассматриваемое ЛСП, в частности, в разделах «О персонѣ господарской» (I), «О вольностяхъ шляхецкихъ и розмноженью Великого Князства Литовского» (III), «О судьяхъ и о судѣхъ и о выбиранью судей въ повѣтѣхъ» (IV) и др. – за счет этого существенно увеличивается как качественный, так и количественный состав поля. В наборе ядерных единиц значительно вырастает удельный вес лексемы *поч(с)тивость*: 18 против 12 употреблений слова *честь*, при этом *поч(с)тивость* используется в тех же значениях, что и *честь*, т. е. прежде всего в значении ‘высокий статус, звание’, ср.: *честь и горло и имгънье стратить* (1566, 1.3) и *почтивости, горла и имгъня не тратить* (1566, 1.7). В третьем разделе «О вольностяхъ шляхецкихъ и розмноженью Великого Князства Литовского» появляется третий эквивалент – *учтивость*: *учтивость свою шляхецкую тратить* (1566, 3.16); *...всгъмь вобець яко и кождому зособна на учтивости достоенства врьды на имгъня на люде на кгрунты и на што кольвекъ даныхъ, и што еще будутъ даваны впередъ, непоруингъ неотмгъннгъ (вгъчными часы ховати)* (1566, 3.2).

Любопытно, что второе издание Статута отличается особенно длинными рядами однородных членов предложения, называющих значимые для великого князя и шляхты привилегии: *достоенствъ врьдовъ або имгъня отнятьемъ* (1566, 1.2); *и всякіе речы, почонишы отъ*

*почтливости горла достоинствъ маетности имгъней всякихъ справъ земельныхъ лежащихъ рухомыхъ, ажъ до наименшее речы (1566, 1.17); у славъ, титулъ, столицы, зацность, и влады, и возможность рассказованью, и въ иныхъ всихъ належностяхъ и прислухиванью и въ границахъ ни въ чомъ не вмениати и о вшемъ примножати (1566, 3.1) и др. При этом наиболее устойчивую триаду образуют *честь, горло, именье* / *почтливость, горло, именье* – всегда в контексте наказания и утраты.*

В редакции Статута 1588 г., представляющей изучаемое поле наиболее рельефно, базовую коллекцию ценностей, подлежащих утрате в случае наказания, образуют *честь и горло* (великий князь реже посягал на материальную собственность шляхты); в то же время усиливается роль такой диады, как *почтливость и добрая слава* (также: *слава и учтливость, учтливость и доброе мниманье*, но ни в одном из контекстов **честь и добрая слава*).

Лексема *учтливость* в своих употреблениях используется в двух значениях: как третий синоним к лексемам *честь* и *почтливость* (*во всякихъ достойностяхъ и учтливостяхъ захованы; словы быстрыми, уципливыми, славе доброй и учтливости шляхетской шкодливими*), а также в значении ‘почтение’, ‘почтительность’, ‘соответствие норме’ (*порядок и скромность з учтливостью пристойною захована была; всякая учтливость и поважность, поволянью хрестияньскому належачая, была захована; о спокойном и учтливом захованью при дворе нашом господарском; словы неучтливими соромтил; мають их учттиве на всем ховати*).

Любопытно, что в реестре лексических единиц, относящихся к оскорблению, появляются новые выражения: *доткливый* и *уципливый* – оба встречаются преимущественно в контексте оскорблений, наносимых шляхтичами друг другу. По всей видимости, количество дел подобного рода достигло своего пика к концу XVI столетия, о чем свидетельствует арт. 61 раздела 11, где описывается процедура *шкрутыниум* – предварительного следствия, проводимого в том числе в случаях споров о чести: *Шкрутыниум маеть быти чинено в такихъ речах, где идетъ о почтливость и о горло (1588, 11.61)*.

Увеличивается количество высказываний о чести-статусе и чести-целомудрии женщин, актуализируется семема ‘целомудрие, благопристойность’ (*боязнь божая и встыд*), но еще больше, в силу специфики документа, – ‘разврат, блуд’ (*вшетечность, вшетеченство, спросное а вшетечное помешканье*).

Сравнение редакций 1566 и 1588 г. позволяет подтвердить ряд важных синонимических связей, см. таблицу.

Синонимия по данным редакций Статутов ВКЛ 1566 и 1588 г.

Статут 1566	Статут 1588
безецными будуть (1.3)	честь и горло тратити мають (1.3)
почтивость (2.14)	честь (2.14)
во всякихъ достоенствахъ и у почтивостяхъ (3.10)	во всякихъ достоинствахъ и учтивостяхъ (3.13)
обелженя стану шляхецкого (3.21)	уближеня стану шляхетского (3.26)
шкодливые доброй славъ (3.22)	доброй славе доткливые (3.27)
нечыстого ложа сынъ (3.23)	неучствое матки сыном (3.28)
цнотливомъ выхованью (6.4)	почтивом выхованью (6.4)
о девушке: нерядные учинки (8.7)	вшетеченьство (8.7)

Трудно сказать, менялись ли коннотации лексем, связанных с понятием чести, однако можно утверждать, что само понятие актуализировалось. Это проще всего продемонстрировать на примере древнейшего представления о том, как недостойно покидать поле боя. В первой редакции статута упоминание об этом находится в пресуппозиции к высказыванию о новом пункте закона: *Тэж уставляем, иж кождый подданный наш (...) слуг и статку своего, с которым ся шиховал и пописал, не маеть з войны отсылати аж до роспуценья зуполного войска нашого. (...) А естли бы хто тое вчинил, пенези бравши, а человек не оселый, таковой кождый честь свою тратить, якобы з битвы втек (1529, 2.3).* В Статуте 1566 г. появляется уже отдельная статья: *АРТЫКУЛЬ 14. О таквомъ, хтобы зъ битвы утекъ. Уставуемъ тежъ, хто бы первой разъ зъ битвы утекъ, таковой имгънье тратить; пакли тежъ и другий разъ зъ битвы утекъ, таковой за слушнымъ доводомъ отъ гетмана черезъ вырокъ нашъ господарскій почтивость свою тратить (1566, 2.14).* В Статуте 1588 г. эта же статья приобретает наиболее категоричный характер: *Уставуемъ теж, хто бы з битвы утек, таковой за слушным доводом от гетмана через вырок наш господарский именье и честь тратить (1588, 2.14).*

Все чаще и чаще лишение чести выступает в качестве дополнительного наказания к казни, лишению имущества или депортации (*выволанье*). Еще в 1566 г. тот, кто совершил убийство во время суда, *горло тратить*, в 1588 г. – *честь и горло* (1588, 4.7, 4.26, 4.63). Ср.: *Тымъ жо обычаемъ хтобы зъ клейтомъ пригхавшы, а самъ неспокойнъ и нескромнъ се заховаль, и кого раниль або забиль и якій кольвекъ кгвалтъ учиниль; тотъ самъ собъ клейтъ зламалъ **и горло тратить** (1566, 1.8), ...тот сам себе глейт зламал и за такий учинок и свовольство свое **честь и горло тратить**. (...) А где бы таковой по учинку зникнул, проч зъехал, не росправившиися, таковой **честь тратить и маеть быть выволан** вечным выволаньем со всех паньств наших, жебы ся до них николи не ворочал (1588, 1.13).*

В целом количество ситуаций, в которых возможна утрата чести, возрастает. Так, в первом разделе Статута 1588 г. появляется статья «О спокойном и учтивом захованью при дворе нашем господарском», где разбираются многочисленные конфликты между придворными (1588, 1.9). В разделе 11 «О гвалтех, о боех, о головщицах шляхетских» в редакции 1588 г. вновь видим дополнительную статью «О забитье повабеньем або вызваньем на руку», где речь идет прежде всего о ситуациях оскорбления *почтивости и доброе славы шляхетское* (1588, 11.14). Жестокой казнью и *отсуждением чести* карается тайное убийство (1588, 11.17). Дающий укрытие изгнанным из страны или лишенным чести получает такое же, как они, наказание (1588, 11.36). Уточняются представления о чести и в статье «О каранью таких невест збытечных, которые бы дети свои або иных губили» (1588, 11.60), в статьях «О каранью чужолозства» (1588, 14.30), «О каранью зводниц» (1588, 4.31).

В связи с возросшим количеством наказаний, сопряженных с лишением чести, появляются новые уточнения – дополнительные условия сохранения оной. В статье 1.3. Статута 1588 г. подчеркивается, что несовершеннолетние дети, не знавшие о государственной измене своего отца, *чести ани горла не будут тратити* (о сыновьях), *почтивости свое не тратят* (о дочерях). Подобное уточнение видим и в статье 1.6. Появляется новое замечание о разборе оскорблений, связанных с шляхетским званием: *А о заочную примовку никто се брати не маеть, гды ж то при том зоставати маеть, хто заочне мовить о чловеку почтивом, бо доброму чловеку не годитьсе лихо говорити о почтивом* (1588, 3.27). Если кровные родственники, ставшие супругами, не знали о своем родстве, то *дети, в том малженстве сложоные, за дети учтывого ложа розумени будут и от имень по смерти таких родичов отдалены не мають быти* (1588, 5.22).

Отметим, что в Статуте 1588 г. упоминания о чести появляются на месте прежде нейтральных конструкций, ср.: *повышенья годень будеть* (1566, 1.4), *маеть ласку нашу господарскую мети и чти подвышенья годен будеть* (1588, 1.4); также: *такое обвиненье оному шляхтичу шкодити не маеть* (1566, 14.7), *такое обвиненье оному шляхтичу на почтивости и доброй славе его ничего шкодити не маеть* (1588, 14.10). Впрочем, обратная трансформация встречается в статье «Кому бы шло о честь, як рыхло справедливость учинена быти маеть», ср.: *тогда ему ани потомком его почтивости шкодити не маеть* (1566, 1.24), *тогда то ему, ани потомком его ничего шкодити не маеть* (1588, 1.28) – по всей видимости, под последней обобщающей

конструкцией стоит понимать, что потомки не будут лишены ни чести, ни жизни, ни состояния.

Таким образом, в текстах Статутов ВКЛ честь предстает как ценность, «зарезервированная» исключительно для шляхетского сословия и осмысляемая – в силу жанра – преимущественно в контекстах утраты. Наиболее актуальным значением ЛСП во всех трех редакциях оставалось ‘высокое звание, статус’; сохранялась актуальность семемы ‘репутация, слава’; возрастала роль семемы ‘оскорбление’. Роль ядерной лексемы выполняло изначально слово *честь*, затем два и даже три однокоренных и во многих случаях взаимозаменяемых *честь / поч(с)тливость / учтивость*; также широко были представлены выражения *добрая слава, доброе мнimanье*. Пограничный статус занимали такие лексемы, как *цнота, цнотливый, учтивый, учтиве* и другие – связь некоторых из них (напр, *цнотливый*) с изучаемым полем подтверждается историей правок Статутов. Семантика оскорбления распределена между единицами разных частей речи: *примовка, ображенье* (только о великом князе), *наганенье, приганенье, ублизенье; наганити, приганити, образити, торгнути, соромотити, шкодити; уципливый, доткливый, образливый; неучтиве* и др. – разнообразие и количество подобного рода выражений существенно возрастает от первой редакции к последней. Увеличивается количество и вместе с тем возрастает детализация условий утраты и сохранения чести, выраженных в Статутах эксплицитно и относимых нами к области культурных коннотаций.

Проанализировав изменения в Статутах 1529, 1566 и 1588 гг., мы можем констатировать, что на протяжении XVI в. актуальность понятия чести возрастала, а соответствующее ему лексико-семантическое поле находилось на этапе интенсивного расширения.

Библиографические ссылки

1. Первый литовский статут (1529 г.) = Pirmasis Lietuvos statutas (1529 m.) / С. Лазутка, И. Валиконите, Э. Гудавичюс. Vilnius : Марги Раштай, 2004. 521 с.
2. Статут Вялікага княства Літоўскага 1566 года / Т. І. Доўнар, У. М. Сатолін, Я. А. Юхо. Мн. : Тэсей, 2003. 250 с.
3. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 : Тэксты. Даведнік. Каментарыі / Бел. сав. энцыкл. Мн. : Бел. сав. энцыкл. імя П. Броўкі, 1989. 570 с.

Кузнецова М. В. (Минск)

Метатекстуальные связи с античной литературой в лирическом цикле С. Завьялова «Horatii paraphrases»

Цикл С. Завьялова «Horatii paraphrases. Carmina praeusta frigore», подзаголовок «Парафразы Горация. Стихи, опаленные холодом